
Н. С. РОЗОВ

«БОИ ЗА ИСТОРИЮ» В РОССИИ. КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИЯ И МЕНТАЛЬНАЯ ДИНАМИКА РАСКОЛА

Политическая и идеологическая борьба в современной России ведется при активном использовании сторонами аргументов «от истории». Стороны обычно апеллируют к известным и крупным историческим событиям, наделяя их своей интерпретацией. Эта борьба ведется в целях получения общественной поддержки, т. е. во многом – за умы и чувства людей. В статье намечены пути продуктивной коммуникации как минимум в сообществах интеллектуалов – ученых и университетских преподавателей. Предложен подход к интеграции исторических описаний в «слоях» фактологии, теоретических объяснений, парадигм и интерпретаций.

Ключевые слова: история, политика, эпистемология, идеология, культурсоциология, ментальная динамика, интеграция, факт, объяснение, парадигма, интерпретация.

Актуальность «исторической политики»

История как реальность и как тексты историков о прошлом привлекает все большее внимание идеологов, политиков и участников общественных дискуссий. Споры относительно интерпретации событий и процессов, оценок лидеров и политических сил, необходимости или пагубности единых учебников по национальной истории становятся острее и громче. Появилась даже целая сфера «исторической политики».

События многолетней давности стали предметом ожесточенных споров и даже публичных скандалов. В дни, когда пишутся эти строки, бурно обсуждается законопроект, предложенный И. Яровой, об уголовной ответственности за критику войск антигитлеровской коалиции.

В чем причина такой горячности? Правящий режим в России испытывает известный дефицит не только электоральной (вследствие скандальных фальсификаций), но и мировоззренческой, исторической легитимности. Август 1991 года давно перестал быть «славным рождением новой демократической России». С середины

2000-х годов в СМИ все больше подчеркивается преимущество с советской эпохой. Однако Октябрь 1917 года не мог стать для официальной идеологии важнейшим отправным событием как из-за противостояния политического мейнстрима коммунистам, все еще получающим широкую поддержку населения, так и вследствие осознанной дискредитации «революций», «бунтов», «протестов», «разрушения устоев», которые неприятным образом ассоциируются с протестами «несогласных», позже – с движениями 2011–2012 годов, включающими значительную «левую» составляющую. Исторический престиж СССР до сих пор в какой-то мере поддерживают полеты в космос, строительство заводов и электростанций, успехи советской науки, но все это контрастирует с практически нулевыми «достижениями» последних 10–15 лет при многомиллиардном «золотом дожде» от экспорта углеводородов.

Гордость за триумф Победы 1945 года, с одной стороны, является редким случаем почти полного общенационального согласия, с другой стороны, это событие уже с середины 1960-х годов служило главным историческим легитиматором для советского руководства, а нынешнее российское правительство по многим признакам является его продолжателем. Официальные борцы с либерализмом используют символ 1945 года в качестве своего рода идеологической кувалды против всех, кто критикует И. В. Сталина, сталинизм, начавшуюся волну репрессий и скатывание режима в тоталитаризм.

Доминирующие идеологии в современной России

Обычно в современной России выделяют официальную (этатистскую, великодержавную и несоветскую), коммунистическую, националистическую, левую и либерально-западническую идеологии. Примерно с середины 2000-х годов произошло существенное сближение первых трех вместе с соответствующими центральными символами: «особое государство-цивилизация», «православие», «духовность», «коллективизм», «русский государствообразующий народ». Некоторые внутренние разночтения остаются, но мощными объединителями служат приверженность авторитарному принципу власти, традиционализм и антизападничество. Лучшими выразителями таких взглядов являются не рафинированные и гибкие интеллектуалы (типа В. Суркова или Г. Павловского), а фигуры типа депутатов И. Яровой, Е. Федорова и журналистки У. Скойбеды.

В центре противостоящего лагеря находятся либералы-западники со своими центральными символами: «права человека», «демократия», «открытое правовое общество», «верховенство права» и т. д.

Левые рассечены и дезориентированы. Одна их часть солидаризуется с европейским левым движением, выступает за честные выборы, независимость суда, сближается по многим вопросам с либералами (Б. Кагарлицкий). Другая часть ностальгирует по СССР, соответственно идеологически примыкает к коммунистам (С. Удальцов). Третьи пытаются соединить сталинизм, большевизм и национализм с радикальными практиками, что ведет то к жесткой конфронтации с властями, то к объединению с ними против преимущественно либерального «болотного» движения (Э. Лимонov). Ни о каком целостном «левом» мировоззрении в современной России говорить не приходится.

Таким образом, главный раскол происходит между двумя лагерями, которые далее будем условно называть *державническим* и *либеральным*.

Культурсоциология как инструмент анализа идейных расколов в обществе

«Сильная программа» культурсоциологии Дж. Александера (2013) утверждает автономию сферы культурных символов, противопоставляет «слабой программе» прежних версий социологии культуры, которые Александер обвиняет в том или ином типе редукции.

Центральными понятиями в концепции культурсоциологии являются сакральные символы добра и зла, социальные группы, преисполняющиеся сильными чувствами в отношении событий, лиц, деяний, соотносимых с этими символами, а также ритуалы, связанные с осквернением и очищением. В ритуалах актуализируются и переосмысливаются символы, укрепляются социальные связи и солидарность единоверцев и единомышленников, проводятся границы, отделяющие их от тех, кто осквернен символами зла.

Поведение лагерей в идеологической борьбе с большими или меньшими поправками вписывается в следующую общую схему. Три главных вектора включают:

- поддержание консолидации и энергетики собственных рядов с кампаниями «очищения» от недостаточно правоверных;
- атаки на враждебный лагерь и его идеологию;

- завоевание популярности и поддержки во внешней среде, в том числе привлечение неофитов.

Культурсоциологический подход выводит за рамки организационного и деятельностного анализа в область глубинных смыслов идеологического дискурса и соответствующих ритуалов.

Полный ритуальный цикл включает в себя:

- фиксацию осквернения, соотнесение этого события с сакральными добром и злом, рост эмоций возмущения и ужаса;
- подключение доступных средств институционального контроля;
- появление разных позиций и предлагаемых путей преодоления скверны;
- выбор или интеграцию решения;
- очищающее действие и новую интерпретацию произошедшего с переосмыслением символов и уровня причастности к ним конкретных лиц и групп.

Данная схема имеет статус идеального типа, не более того. Ритуальные циклы наиболее ярко проявляются в публичных скандалах, где всегда присутствуют моменты осквернения, борьбы за чистоту, различие позиций и конфликты, но далеко не всегда эти конфликты разрешаются в общем согласии и примирении с единой интерпретацией событий.

Цикл осквернения, возбуждения, дробления и конкуренции позиций, завершающего очищения функционален во всех векторах идеологической борьбы.

- Общее горячее возмущение осквернением святынь сплачивает ряды, мобилизует сторонников, готовит их к жертвенности, укрепляет лояльность символам и лидерам.

- Дробление позиций внутри лагеря позволяет выявить колеблющихся, недостаточно ортодоксальных, потенциальных оппортунистов и перебежчиков, что служит сиюминутному или последующему «очищению рядов».

- Всегда определяется связь, пусть мифическая, сфальсифицированная или просто смысловая между виновниками, содержанием осквернения и враждебным лагерем. Поэтому гнев на скверну всегда с большим или меньшим успехом обращается в сторону идеологических и политических противников.

- Скверне по возможности придают универсальный характер, грозящий «всем и каждому»; через ее разоблачение идеологи об-

ращают внимание внешней публики на себя как «патентованных» спасителей от этой скверны. Тем самым в различной степени обеспечивается общественная поддержка, привлекаются новые члены и активисты.

Самые громкие скандалы относительно военной истории имели место в связи с публикациями книг В. Суворова о тайных планах Сталина начать наступательную войну в Европе, а также М. Солонина о причинах страшных поражений и массовой сдаче красноармейцев в плен в первые месяцы войны. Сюда же относятся недавние конфликты, жесткие словесные баталии относительно Победы (С. Пономарев против Ю. Колкера и М. Берга), приравнивания СМЕРШа к отрядам СС, Сталина – к Гитлеру (У. Скойбеда против Л. Гозмана)¹.

Для державнического лагеря видимым сакральным символом является Победа. Встать на ее защиту, на защиту подвига советских солдат и офицеров – это сильный, практически беспроегранный ход. Другое дело, что вслед за Победой как символическим тараном обычно «протаскивается» прославление Сталина и сталинизма, более или менее явно оправдываются репрессии 1930-х годов и беспрецедентные жертвы в ходе войны; наконец, восхваляется «сильная рука» – авторитарный антидемократический режим как победитель Запада в лице гитлеровской Германии.

Любое сомнение в величии Победы, указание на агрессивность сталинской политики, жестокость военачальников по отношению к «живой силе», массовое насилие советских войск в отношении мирного населения Европы (не только в Германии) квалифицируется как покушение на «святую Победу», т. е. осквернение сакрального символа. В этом отношении пораженческие пассажи Ю. Колкера и М. Берга² были «подарком» для державнических

¹ Бывший лидер «Союза правых сил» Л. Гозман на радио «Эхо Москвы» возмутился фильмом, прославляющим СМЕРШ, который считает подобием СС. В ответ журналистка У. Скойбеда в «Комсомольской правде» выступила со статьей против либералов, прозрачно намекнув на еврейство Гозмана. Разразился громкий скандал. Депутат Заксобрания Петербурга Б. Вишневецкий подал в суд на Скойбеду, обвинив ее в разжигании межнациональной розни. Эта акция вызвала как одобрение, так и осуждение в самом либеральном лагере.

² Ю. Колкер: «Лучше бы мы эту войну проиграли. Евреям и так было хуже некуда, ну, было бы еще хуже. Зато для русской культуры, для русского общественного сознания – полное поражение было бы лечебно и спасительно, ввиду последующей раскрутки великодержавия и превращения России в имперского полицейского Европы». М. Берг: «Жаль, что не проиграли в войну. Не надо было бы справлять насквозь фальшивый праздник Дня Победы, да и история у нас была бы иной – нормальной, неинфантильной» (Берг 2013).

идеологов, которые распались так, что потеряли контроль над словами и вынуждены были за них извиняться³.

Что же сыграло роль «очищения»? Скойбеду пожурили и даже объявили официальный выговор, но не уволили из «Комсомольской правды» и не лишили права заниматься журналистикой. Иными словами, имело место видимое «очищение» от крайне агрессивных настроений. Однако за этим поверхностным слоем лежит более глубокий и важный. Осквернение Победы довольно успешно связали с либералами, а через них – с «болотными» протестами, «белоленточниками», со всеми, кто выступает против режима и правящей группы. Идут процессы институционального закрепления этой связки как через Комиссию против фальсификаций истории, так и через новые законопроекты об уголовной ответственности за несоответствующие с официальными интерпретации роли СССР и его руководства во Второй мировой войне.

Насколько выигрышными оказались эти скандалы для державнического лагеря? Для точного ответа на этот вопрос нужны данные о смене настроений всех тех, кто следил за скандалами. При отсутствии таких данных можно предположить, что в количественном отношении некий успех достигнут, поскольку символ Победы остается безусловной святыней для подавляющего числа российских граждан, а значит, ее «хулители» дискредитируются. Большинство не вникает в расчеты и доказательства, приведенные в книгах М. Солонина, не намерены вникать в логику и мотивы высказываний, критикующих официозное прославление Победы. На таких людей указание на осквернителей святыни оказывает запрограммированное мобилизующее воздействие.

Рассмотрим теперь задействованные символы и ритуалы в либеральном лагере. Здесь сакральными объектами выступают индивидуальная жизнь, права и свободы человека, принципы законности и равенства. Восхваление Сталина, оправдание ГУЛАГа и деятельности СМЕРШа, замалчивание вопросов об участии СССР во Второй мировой войне на стороне Гитлера до июня 1941 года, о (не)оправданности жертв в боях Великой Отечественной войны, о причинах массовой сдачи в плен в первые ее месяцы, об установ-

³ С. Пономарев: «Специально хочу подчеркнуть фамилии Берга и Колкера: ну неужели они не понимают, что бы случилось с их соплеменниками в случае иного исхода той войны? Жаль, что таких нельзя положить на брусчатку Красной площади во время прохождения парадной колонны танков Т-90». У. Скойбеда: «Порою жалеешь, что из предков сегодняшних либералов нацисты не наделали абажуров. Меньше бы было проблем» (Фролов 2013).

ках советского руководства по отношению к согражданам, оставшимся на оккупированной территории, о массовом насилии и мародерстве Советской армии в отношении мирного населения Центральной Европы и Германии – все это замалчивание или перевираание ощущается и подается в либеральном лагере как осквернение указанных гуманистических ценностей – сакральных объектов⁴.

Каждое разоблачение подтасовок направлено на «очищение», но вряд ли в данном случае можно говорить о его успехе. Такие разоблачения почти всегда направлены на свою уже вполне образованную и либерально настроенную аудиторию, которую переубеждать не нужно. Судя по социологическим опросам Левада-центра, а также по собственным субъективным наблюдениям автора за характером дискуссий в социальных сетях, данная аудитория остается весьма узкой, своего рода «либеральным гетто». Попытки выйти за его пределы, начать диалог с представителями других мировоззрений тут же превращаются в перепалки, взаимные оскорбления. Вместо ритуала «совместного очищения на основе достижения нового интегрированного взгляда» происходит ритуал «сварь», где каждая сторона отыгрывает свою роль как «разоблачитель осквернения». Раскол и взаимное отчуждение усиливаются.

Разнообразие мировоззрений – нормальная ситуация в современном обществе, однако такого рода расколы с отчуждением вплоть до объявления друг друга «врагами» никак нельзя назвать нормальными и приемлемыми. В случае современной России речь должна идти о некоей *ритуально-символической ловушке*: каждая сторона проводит свои ритуалы разоблачения осквернения и (псев-

⁴ «В российском обществе еще много тех, кто мечтает побольше чего запретить и побольше кого посадить. В частности, запретить любые разговоры о том, что СССР помог Гитлеру развязать Вторую мировую войну и на первом ее этапе фактически участвовал в ней на его стороне. О том, что война против Финляндии была агрессией, присоединение государств Балтии было аннексией, а советские солдаты там были оккупантами. О том, что граждане этих стран имели право им сопротивляться. О грубейших просчетах советского командования, его чудовищной неэффективности и наплевательском отношении к жизням своих солдат, о бессмысленных жертвах. О том, что советская армия тоже совершала военные преступления и то, что их было гораздо меньше, чем у гитлеровцев, не делает эти преступления менее отвратительными. Что бойцы советских подразделений, уничтоживших чеченское село Хайбах, такие же мерзавцы и военные преступники, как и эсэсовцы, уничтожившие чешское село Лидице (и этот факт не отменяется тем, что в другом месте и в другое время те же самые люди могли оказаться геройскими защитниками родины). Наконец, о том, что освободившая страны Восточной Европы от фашизма советская армия принесла им новое порабощение, навязав силой власть идеологически близкого к СССР меньшинства со всеми прелестями тоталитаризма: цензурой, репрессиями и т. д. Власть, от которой народы этих стран избавились при первой возможности» (Скобов 2013).

до)очищения, удостоверяет себя и adeptов в собственной правоте, что только усугубляет отчуждение и дает новую пищу для новых подобных же ритуалов.

Задача «превращения населения в народ» (Розов 2012) предполагает необходимость преодоления такого рода расколов, чреватых агрессией и насилием. Может ли нам дать что-либо социальная теория для решения такой задачи?

Ментальная динамика раскола и примирения

Культурсоциология хороша для интерпретаций, но научное объяснение (в смысле эмпирически подкрепленной спецификации причинных условий) не является ее сильной стороной. Нужно сказать, что в отношении динамики верований и убеждений, роста и падения значимости символов социальная теория предоставляет не так уж много конструктивных концепций. Хорошо известны марксизм (символы следуют за выгодой в пространстве экономических отношений), фрейдизм с принципом удовольствия, бихевиоризм с принципом подкрепления, функционализм с принципом пользы, концепции культурной и цивилизационной запрограммированности («а ля Шпенглер»), теория игр (выбор символов как часть оптимизации стратегий), теория символического обмена с принципом «рыночного» установления норм, институционализм (символы детерминируются занимаемой позицией в институтах), концепция поколений с зависимостью мировоззрения от макрособытий и др.

В работе автора статьи (Он же 2011: гл. 5) предпринята попытка объединить наиболее конструктивные положения нескольких теорий в набор принципов ментальной динамики. Для этого был разработан ряд принципов.

1. *Принцип восприятия установок обеспечивающего сообщества*: каждый индивид, участвующий во внушительных, эмоционально насыщенных ритуалах обеспечивающего сообщества (особенно безальтернативного), обычно воспринимает (интериоризует) основные фреймы и символы данного сообщества, прежде всего его высшей, лидирующей страты, принимает те или иные предлагаемые ему в этих ритуалах идентичности и поведенческие стереотипы.

Будем говорить только об интеллектуалах, прежде всего ученых и университетских преподавателях, которые профессионально

имеют дело с историей, т. е. о самих историках и обществоведах. Здесь в качестве «обеспечивающих сообществ» выступают научные и образовательные учреждения, их отделы, факультеты, кафедры; назовем их институциями. Как правило, способы коммуникации между интеллектуалами – конференции, научные журналы и серии монографий – создаются и контролируются той или иной институцией (коалицией институций). Сами же институции обычно формируются по принципу инкорпорации: их лидеры вовлекают и принимают «своих», отталкивают и выталкивают «чужих». В определении «свой/чужой» играет роль как принятие парадигмы лидера, так и приемлемость мировоззренческой позиции кандидата в членство.

Таким образом, мировоззренческие и парадигмальные расколы в интеллектуальной среде поддерживаются, воспроизводятся и усиливаются соответствующим паттерном разделения институций. Наиболее ярко это видно в разделении российских социологов на две непримиримые ассоциации. Детальное изучение сообщества «петербургской (ленинградской) социологии» показало тот же результат (Соколов и др. 2010). Среди историков такого рода исследования не проводились, но сходные разделительные линии явно присутствуют, например между кафедрами отечественной и зарубежной истории, между историками университетов, ориентированных на местную поддержку или на иностранные гранты.

Первичным условием преодоления раскола представляются непосредственное общение и кооперация «мягких» сторонников враждебных лагерей, которые нашли бы для себя профессиональные и репутационные выгоды от обсуждений и сотрудничества с «иноверцами». Такие семинары могли бы перерасти в совместные секции на конференциях, дискуссии на страницах ранее отчужденных друг от друга журналов, в общие программы исследований. Путь преодоления раскола хотя бы в интеллектуальной среде может считаться пройденным согласно вышеприведенному принципу, когда будут сформированы новые обеспечивающие сообщества, где критерием уровня членства станет уже не приверженность определенной идеологии, а готовность обсуждать разногласия и проводить совместные исследования для выяснения истины.

2. *Принцип подкрепления габитуса как основы самопрезентации в ритуалах.* В перерывах между ритуалами индивиды склонны строить свою жизненную стратегию (обретать соответствующие идентичности, осваивать формы поведения) таким образом, чтобы на основе имеющихся или доступных ресурсов продвигаться к целям, заданным этим ритуальным подкреплением.

Данный принцип указывает на механизмы реализации требуемых коммуникативных, сетевых и институциональных изменений. Главными ритуалами в интеллектуальных сообществах являются публичные доклады и дискуссии. В рассматриваемом аспекте важнейший признак этих ритуалов состоит в том, какие характеристики докладчика или критика подкрепляются положительно (получают видимое одобрение и последующую организационную поддержку) или отрицательно (вызывают раздражение и отказ в поддержке). В ситуации раскола такой характеристикой для положительного подкрепления является лояльность лидеру сообщества, соответствующей научной парадигме и/или идеологии. Ритуалы, реализующие преодоление раскола, предполагают «переключение параметров подкрепления»: теперь отвергается жесткая «упертость», невнимание к существенным возражениям, критика ради критики. Положительно же подкрепляются желание и готовность понять оппонента, упор на поиск эмпирических и теоретических оснований, признание своей неправоты при наличии сильных контраргументов, согласие на совместную выработку способов операционализации разногласий и совместного поиска истины.

3. *Принцип референтной группы и перспективного образа как ориентира жизненного пути.* Среди доступных альтернатив каждый индивид в течение сензитивного периода, как правило, выбирает либо референтную группу (иногда отдаленную и даже воображаемую), либо человека старшего поколения в качестве носителей символов, ориентиров для собственной идентичности, программирующих основные жизненные стратегии (в профессии, карьере, личной и семейной жизни, образе жизни и пр.).

Фактически речь идет о необходимости «историй успеха» – появления интеллектуальных лидеров и авторитетных научных сообществ, реализующих стратегии преодоления раскола.

4. *Принцип макрособытий в формировании поколенческого разнообразия габитусов.* Среди ритуалов сензитивного периода крайне важны обсуждения наиболее громких событий в стране и культурно значимых в других странах.

Данный принцип относится к интеллектуалам не в меньшей, а в большей степени, чем к остальным людям. Над какой бы специфической предметной областью ни работали ученые, их габитус (комплекс установок) во многом зависит от восприятия актуальных макрособытий и от принятой идентификации с той или иной стороной отношений, особенно конфликтных. Преодоление раскола

в данном аспекте означает не унификацию позиций (возможную лишь при высоких начальных уровнях согласия и солидарности либо вследствие тоталитарных практик), но «согласие с несогласием» – понимание существа других позиций, готовность общаться, взаимодействовать, даже в каких-то пределах сотрудничать с носителями иных установок и позиций. Такому результату опять же способствуют обсуждения актуальных событий как особые ритуалы, но с неперменным «кодексом поведения», препятствующим превращению дискуссии в «свару» с попытками пропагандистских монологов и потоками взаимных обвинений и оскорблений. Логический каркас такого «кодекса» может включать, например, требование к явному формулированию каждой стороной своего образа (интерпретации) актуального макрособытия, его причин, «внутренних пружин», а также основания верности этого образа и предлагаемые способы проверки. В дальнейшем обсуждении запрещается прямая критика чужой интерпретации, тем более высказывания и аргументы *ad hominem*, а фокус внимания сосредотачивается на поиске способов проверки того, какая интерпретация более достоверна, причем эти способы должны удовлетворять обе оппонирующие друг другу стороны.

5. *Принцип влияния дефицитов на значимость и привлекательность связанных с ними символов и позиций.* При росте внешней опасности повышается роль и престиж военных, при росте мятежей и преступности – роль и престиж сил правопорядка, при дефиците заморских товаров – роль и престиж поставщиков импорта и т. д. Соответственно происходит закономерное перенаправление сил и энергии либо прямо к занятию этих позиций, получению дефицитных ресурсов и благ, либо к поддержке их источников.

Само по себе согласие между сторонами раскола вряд ли может стать дефицитом. Речь идет только о создании искусственного дефицита, когда коалиция умеренных либо внешняя сила связывают императив достижения согласия (или хотя бы «согласия с несогласием») с важным мотивом подобно тому, как кардиналов не выпускают из башни, пока они не выберут нового папу.

Проблемы интеграции и накопления исторических описаний

Отвлечемся теперь от идеологического противостояния и рассмотрим в более общем плане логику преодоления противоречий в исторических описаниях. Для разрешения споров нужна некая общая «твердая платформа», а для споров относительно истории

такой платформой являются исторические описания, которым можно доверять.

Что вообще значит «доверять историческому тексту»? Сюда включается как минимум:

- доверие изложенным фактам, рассказам и частным объяснениям (все значимые явления прошлого представлены адекватно, нет тенденциозных умолчаний, объяснения связей между конкретными явлениями приемлемы);
- доверие общим, или теоретическим, объяснениям (представленные причины не являются произвольными домыслами, но могут быть каким-то образом подтверждены и обоснованы);
- доверие интерпретациям – вариантам осмысления исторических явлений в разных контекстах и с разных позиций.

Преодоление фактологических разногласий

Фактология включает фактические суждения о событиях, происходивших где-либо и когда-либо при отвлечении от смыслов и оценок, сущностей и причин процессов. Такие суждения основаны на следах, оставленных прошлыми событиями, – записях и материальных артефактах. Точность (*accuracy*), по Р. Мартину (Martin 1998), вполне может быть понята как релевантность и эмпирическая обоснованность фактических суждений. Требование релевантности справедливо было подчеркнуто Дж. Горманом (Gorman 1998), однако никак нельзя согласиться с его признанием правомерности ложных фактических суждений: доверие к истории способна дискредитировать именно ошибочность в деталях.

Самый надежный способ преодоления фактологических расхождений – эмпирический: поиск в архивах, в археологических данных или же проведение очередных раскопок для получения новых прямых свидетельств о событиях прошлого.

Если требуемых данных не удастся получить, то эмпиризм дополняют логикой: каковы были бы следствия из каждой версии событий прошлого, о чем говорят имеющиеся сведения о следствиях и как получить свидетельства (теперь уже косвенные), подтверждающие или отвергающие эти следствия?

Более слабыми являются предположения о том, «как это должно было быть», на основе аналогий и типов явлений.

В итоге должна быть установлена *платформа фактологического согласия* – пространственно-временные рамки и основная канва событий, относительно чего нет расхождений. К этой платформе

согласия добавляется зона *фактологической неопределенности* – альтернативные версии (суждения о событиях прошлого), лучше всего подкрепленные эмпирически, с указаниями на свидетельства. Венчать эту структуру должно явное представление применявшихся подходов и методов к преодолению фактологического противоречия, а также перспективные пути преодоления оставшихся расхождений.

Выбор и согласование исторических объяснений

Иначе обстоит дело с выбором и интеграцией теоретических объяснений в истории. Речь идет о разных моделях и концепциях закономерностей и причин прошлых явлений, в том числе таких крупных, как появление и распад государств, революции, завоевания, религиозные расколы, смена экономических укладов, модернизация, демократизация и т. д. Со времен К. Поппера известно, что каждое единичное явление может иметь сколько угодно теоретических объяснений. Важнейшие исторические события обычно имеют объяснения и трактовки с позиций марксизма, веберизма, цивилизационного подхода, теории модернизации, миросистемного анализа и т. д. Возможен и нужен ли вообще выбор среди альтернативных объяснений? Оправдана ли интеграция приемлемых объяснений?

Макросоциологические теории обычно тесно связаны с породившими их парадигмами, которые включают принципиально различные мировоззренческие, онтологические и ценностные предпосылки, связанные с политическими и идеологическими установками. В силу этого парадигмы не поддаются интеграции. Нужна тонкая хирургическая операция по отделению теоретических объяснений от парадигм. Первые можно операционализировать и сравнивать по объяснительной силе и эмпирической подкрепленности, тогда как вторые всегда имеют несводимый мировоззренческий остаток, поэтому с парадигмами лучше обращаться как с основаниями интерпретаций.

Рассмотрим проблему сравнения и интеграции теоретических объяснений, очищенных от парадигмальных, мировоззренческих компонентов. Беда в том, что после дружного опровержения концепции «универсальных (покрывающих) законов» К. Гемпеля (2000) никакой общепризнанной альтернативы так и не было создано. Здесь мы выходим на известную в философии науки тему

множественности теоретических объяснений, несовместимости и несоизмеримости теорий.

В философии истории «объяснительный плюрализм» прокламируют Дж. Ван Боуэл и Э. Вебер (Bouwel, Weber 2008). Они убедительно опровергли релятивизм Фейерабенда, согласно которому нет правил предпочтения между объяснениями. Нельзя оспорить «плюрализм вопросов», поскольку исследователи вольны ставить самые разные исследовательские задачи, связанные с объяснениями. Ван Боуэл и Вебер утверждают также «плюрализм ответов» – допустимость разных объяснений в ответах на один и тот же вопрос, ранжируя предпочтения, в частности признавая превосходство структурных макрообъяснений над интенциональными микрообъяснениями (*Ibid.*: 181). С такой позицией трудно согласиться.

Для простоты рассмотрим ситуацию получения двух существенно различных объяснений в качестве ответов на один вопрос. Здесь имеются три основные возможности:

1) ответы давались на разные вопросы, скрывающиеся под одной формулировкой;

2) ответы совместимы как дополняющие друг друга (отдаленная причина и ближайшая причина, общая закономерность и конкретный механизм ее реализации и т. д.);

3) ответы несовместимы, т. е. указывают на принципиально различные причины, закономерности, сущности.

Ситуация (1) означает вполне законный плюрализм вопросов, нужно только эксплицировать их различие. Ситуация (2) не требует плюрализма ответов, а требует раскрытия связи между взаимодополнительными ответами. Ситуация (3), будучи принята в качестве нормальной, законной, достаточной и не требующей дальнейших исследований, как раз и означает «плюрализм ответов». Но с этим согласиться никак нельзя, поскольку ситуация (3) является той самой конфликтной неопределенностью, которая требует разрешения, т. е. преодоления противоречивости объяснений, а значит, и преодоления «плюрализма ответов».

Научные объяснения всегда относятся к причинам и условиям явлений и процессов. Размножающиеся образы причинных механизмов в истории и социальном мире – это хорошо для литературы и кинематографа, особенно прекрасно для фантастики и фэнтези, но не для познания и сознательной ориентации человека в реальном общественном бытии.

Есть еще один важный аргумент в пользу попыток преодоления пресловутой несоизмеримости теорий. Смириться с множественностью научных объяснений исторических явлений – значит перестать спорить относительно адекватности и преимуществ того или иного объяснения, а это уже ведет к блокированию коммуникации, спора и интеллектуального конфликта, соответственно – к стагнации научного мышления.

Как выбрать из имеющихся объяснений одного и того же исторического события (например, Реформации, подъема капитализма, промышленности и парламентаризма в Англии, Первой мировой войны, Русской революции 1917 года или коллапса СССР) наиболее адекватное? В философии и методологии науки для такого рода задач разработано множество критериев. Для теоретических объяснений в истории наиболее релевантными представляются эмпирическая широта и точность во времени и прочих деталях.

Преимущество имеет то объяснение, в основе которого лежит закон (принцип, модель, механизм, закономерность), уже подкрепленный большим числом случаев и успешно применяемый для объяснения новых случаев. Теория, лежащая в основе объяснения европейской Реформации, должна объяснять и множественные религиозные расколы в других конфессиях. Теория, применяемая для объяснения английской модернизации, должна объяснять случаи модернизации и во многих других странах (например, во Франции, Пруссии, Австро-Венгрии, России). Теория, объясняющая Первую мировую войну, должна быть пригодной и для объяснения других крупных войн и т. д.

Точность, детализованность объяснения означает, что большее число характеристик каждого случая (время и место наступления, массовость, направленность, скорость и радикальность перемен, характер и динамика коллизий и конфликтов, структура коалиций и т. д.) выводится из разряда «случайностей» в разряд «закономерных предсказуемых следствий из известных причинных условий». Почему Реформация началась именно там-то и тогда-то? Почему ее поддержали определенные государства и слои населения, тогда как остальные стали ее противниками? Нет недостатка в сколь угодно детальными историческими объяснениями *ad hoc*. Здесь критерий точности должен быть совмещен с критерием широты, иными словами, принципы объяснения должны «работать» и для других случаев, а через это «игольное ушко» пройти может далеко не каждое объяснение.

Оба критерия имеют квазиколичественный характер: редко удается на их основе однозначно выбрать одно объяснение и отвергнуть остальные. Возможно ли такое в истории? В естественных науках для таких целей используется критический эксперимент (серия экспериментов). Искусственно создаются такие условия, при которых происходят два четко различимых следствия – А и не-А, причем каждое из них подкрепляет одну теорию и подрывает другую (служит аномалией для нее).

Казалось бы, такой путь для истории заказан, поскольку «экспериментальная история» существует только в фантастических романах братьев Стругацких. Однако в социальной теории есть изящный обходной путь, суть которого – в специальном подборе случаев с заданными характеристиками, что позволяет осуществить некий аналог критического эксперимента.

Классический пример представлен Э. Дюркгеймом (1994). Согласно одной теории, более склонны к самоубийству «модернизированные» личности – горожане в сравнении с селянами, образованные в сравнении с необразованными. Согласно другой теории (принадлежащей самому Дюркгейму), самоубийствам способствует дефицит солидарности, групповой сплоченности. Искомым случаем были бы сообщества городские, имеющие преимущества в образовании, но при этом солидарные. Если верна первая теория, то в таких сообществах самоубийства должны случаться чаще, чем среди селян и малообразованных людей. Если верна вторая теория, то самоубийства должны случаться реже. Аналогом критического эксперимента здесь послужили еврейские общины: городские, высокообразованные и с выраженной внутренней солидарностью. Весьма низкое число самоубийств среди евреев стало убедительным подкреплением теории солидарности и позволило обосновать сомнение по поводу однозначно пагубного влияния города, образования и науки.

Макросоциологические парадигмы и исторические интерпретации

Парадигмальный конфликт – наличие существенных противоречий между общими суждениями о явлениях прошлого в двух или более исторических описаниях, между суждениями, основанными на принципиально различных онтологических предпосылках, системах базовых категорий (парадигмах) и соответствующих понятийных аппаратах, исследовательских подходах.

Такого рода проблемы интеграции описаний наиболее трудны, зато открывают широкое пространство для философской работы. Сам выбор между парадигмами осмысления прошлого – важная проблема философии истории. Для ее решения нужно достичь согласия между приверженцами разных парадигм о критериях их оценки и выбора. Если отвлечься от сугубо моральных или религиозных оснований, то критерии должны каким-то образом приводить к возможности проверки суждений на основе эмпирических данных. Значит, во весь рост встают задачи *операционализации*. Сомнительно, что какие-то частные факты могут отвергнуть парадигму исторического процесса как систему категорий. Речь должна идти о промежуточном уровне теоретических описаний, выявляющих общие причины и закономерности исторических явлений.

Так, базовой идеей для критериев оценки и выбора парадигм истории может быть *сравнение объяснительной силы теорий, построенных на онтологических предпосылках той или иной парадигмы*. Это сравнение воспроизводит ситуацию конкуренции теоретических объяснений (см. выше) и осуществляется научными (макросоциологическими) методами.

Иначе обстоит дело с *интерпретациями*. Справедливо отмечалось, что каждый историк учитывает допустимые точки зрения, релевантные контексты своей предполагаемой аудитории. Эти точки зрения и контексты составляют огромное культурное разнообразие, более того, они изменяются, множатся с каждым поколением и десятилетием.

Интерпретации неискоренимо множественны (Lorenz 1998). Согласившись с этим, следует признать, что именно неизбывная множественность составляет большую проблему в плане доверия к истории. Действительно, если десятки и сотни интерпретаций одного исторического события (например, Французской революции или распада СССР) допустимы и законны, то люди, особенно подрастающие поколения, попадают в когнитивную ситуацию, объективно способствующую мировоззренческой шизофрени: реальность множится, почва под ногами плышет.

Вовсе не обязательным выходом будет самостоятельное размышление, сравнение доводов, самоопределение и сознательный выбор человеком одной интерпретации значимого события в истории своей страны. Безграничный плюрализм интерпретаций скорее приводит к историческому нигилизму и цинизму («все – вранье», «правды в истории не найти»). Таким парадоксальным образом бо-

гатство множественных интерпретаций для историков оборачивается скудостью исторического сознания для публики.

Итак, вопрос заключается в том, как совместить неустранимую множественность и закономерную изменчивость интерпретаций со здоровыми представлениями о единстве мира, реальности, а значит, и исторического прошлого.

Какое различие в интерпретациях требует преодоления, а какое допустимо и нормально? Назовем *радикальным* (требующим преодоления) такое различие интерпретаций одного исторического явления, которое прямо основывается на противоречащих друг другу фактах и объяснениях. Преодоление здесь состоит как раз в устранении данных противоречий. *Умеренное* (допустимое) различие интерпретаций предполагает общую платформу фактов и объяснений, когда разница в интерпретациях обусловлена разными точками зрения, контекстами, ценностями и мировоззренческими установками. Умеренное различие в интерпретациях вполне допустимо в рамках нормального идеологического разнообразия в обществе, тогда как радикальные различия характерны для расколов и отчуждения, чреватого агрессией.

Логические и когнитивные средства для преодоления разногласий относительно истории имеются, но для их использования нужна добрая воля сторон – главный дефицит в ситуации жесткого раскола и взаимного отчуждения. Для появления «доброй воли» есть свои детерминанты, но это уже предмет отдельного обсуждения.

Литература

Александр, Дж. 2013. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Праксис.

Берг, М. 2013. *Проигранная война*. URL: <https://www.facebook.com/michael.berg.965/posts/589333797756973>.

Гемпель, К. 2000. Функция общих законов в истории. *Время мира*. Вып. 1. *Историческая макросоциология в XX веке*. Новосибирск: НГУ, с. 13–26.

Дюркгейм, Э. 1994. *Самоубийство: Социологический этюд*. М.: Мысль.

Коллинз, Р. 2002. *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Розов, Н. С.

2011. *Коля и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. М.: РОССПЭН.

2012. Превращение населения в народ: принципиальная схема. *Отечественные записки* 1: 143–159.

Скобов, А. 2013. От Отечественной к Гражданской. *Грани.Ру*. 28 июня. URL: <http://grani.ru/opinion/skobov/m.216194.html>.

Соколов, М. М., Бочаров, Т. Ю., Губа, К. С., Сафонова, М. А. 2010. Проект «Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе: Петербургская социология после 1985 года». *Журнал социологии и социальной антропологии* 3: 66–82.

Фролов, А. 2013. Они сошлись. *Советская Россия* 21 мая. URL: <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=593772>.

Bouwel, J. Van, Weber, E. 2008. A Pragmatist Defense of Non-Relativistic Explanatory Pluralism in History and Social Sciences. *History and Theory* 47(2): 168–182.

Carr, D. 2008. Narrative Explanation and its Malcontents. *History and Theory* 47(1): 19–30.

Gorman, J. L. 1998. Objectivity and Truth in History. *History and Theory: Contemporary Readings*. Blackwell, pp. 320–341.

Lorenz, Ch. 1998. Historical Knowledge and Historical Reality: A Plea for 'Internal Realism'. *History and Theory: Contemporary Readings*. Blackwell, pp. 342–376.

Martin, R. 1998. Progress in Historical Studies. *History and Theory: Contemporary Readings*. Blackwell, pp. 377–403.